

© 2016 г.

Е.А. СУСЛОПАРОВА

**БРИТАНСКИЙ СОЦИАЛИСТ ГАРОЛЬД ЛАСКИ (1893–1950).
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ**

В 1920–1940-е годы имя Г. Ласки не сходило со страниц лейбористских изданий. “Красный профессор” Лондонской школы экономики, чьим образом консерваторы пытались напугать британского избирателя на выборах 1945 г., автор многих книг и неисчислимого количества статей всегда держал руку на “пульсе времени”. Он никогда не отделял академическую карьеру от стремления быть по возможности причастным к происходившим в стране событиям.

Несмотря на невероятную активность и работоспособность, статус парламентария или члена правительства Ласки никогда не привлекал. Теоретик гораздо влиятельнее, чем практик, признавался он в письме другу в 1920-е годы¹. Ему был близок афоризм “действовать легко, мыслить – сложно”. Ласки неустанно размышлял над происшедшим и делился этим с современниками. Впрочем, теоретиком в “замке из слоновой кости” он никогда не был. Ласки был тем, кого принято называть “властителем умов”.

Известный британский историк К. Морган характеризует Ласки как одну из самых харизматичных, но одновременно спорных фигур британской общественной жизни². Ласки обладал редким умом, эрудицией, поразительной памятью. Не исключено, что, если бы он занимался “чистой теорией” и меньше вмешивался бы в сиюминутную политическую ситуацию, его жизнь была бы гораздо проще и спокойнее. Но тогда это была бы история жизни другого человека.

Публицистическое наследие героя этого очерка весьма обширно. “Поразительное разнообразие и обилие плодов его интеллектуального труда всегда казались мне основной слабостью Ласки”, – писал его современник и коллега по лейбористской партии Дж. Стрэчи³. В различные годы жизни в работах Ласки можно было найти отголоски самых разных доктрин – марксизма, гильдейского социализма, фабианства и других. Более того, пожалуй, главная проблема состоит в том, что из всего богатого авторского наследия довольно сложно выделить одну ключевую книгу Ласки, в которой была бы заключена квинтэссенция его социалистического мировоззрения, как, например “Стяжательское общество” Р.Г. Тоуни или “Будущее социализма” Э. Кросленда. Британский исследователь М. Ньюмен, например, считает, что нет даже какого-то общего главного утверждения, которое можно было бы изучать или анализировать в качестве

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Holmes – Laski Letters: The Correspondence of Mr. Justice Holmes and Harold J. Laski. 1916–1935, v. I – II. Cambridge (Mass.), 1953. V. I. 1916–1925, p. 550.

² Morgan K.O. Labour People. Leaders and Lieutenants, Hardie to Kinnock. Oxford, 1987, p. 91.

³ The New Statesman and Nation, 1950, v. XXXIX, № 996, p. 395.

основного признанного вклада Ласки в политическую мысль⁴. Друг Ласки К. Мартин отмечал, что в страстном желании убедить современников в том, что общество подошло к опасному рубежу, Ласки “написал слишком много”, довольно часто повторяя самого себя⁵.

Возможно, одна из причин многословности автора состоит в том, что Ласки писал на редкость легко и свободно, практически никогда не редактируя уже готовый текст. Его биограф Г. Иствуд, имевший доступ к бумагам Ласки, приводит пример единственного исправленного слова в рукописи книги “Введение в политику” (1931), написанной убогим подчерком на 79 страницах. Ласки мог, не задумываясь, молниеносно подготовить безупречную пропагандистскую статью в журнал прямо на глазах у изумленного собеседника, обратившегося с этой просьбой. Обладая незаурядными способностями, он знал себе цену, был хвастлив, любил “пускать пыль в глаза” порой без особой на то необходимости. Один из современников вспоминал, что во время беседы при упоминании того или иного известного имени, Ласки всегда небрежно бросал, что “разговаривал с ним вчера”, либо “получил от него письмо на прошлой неделе”⁶. Отличить правду от вымысла в бесчисленных “историях от Ласки” не всегда было возможно.

Правдой остается то, что Ласки был одним из самых известных и читаемых лейбористских публицистов своего поколения. Ему посвящено несколько монографий. Однако комментарии зарубежных авторов и исследователей противоречивы. В 1953 г., через несколько лет после смерти Ласки, вышла первая большая работа, принадлежащая перу упомянутого выше К. Мартина, написанная с явной симпатией по отношению к безвременно ушедшему другу. В середине 1950-х годов серьезный удар по репутации Ласки нанес Г. Дин, предпринявший в своей работе попытку продемонстрировать читателю заурядность его взглядов, лишенных, как ему казалось, существенного философского значения и глубины. Книга стала знаковой, а имя Ласки на долгие годы было “сброшено с пьедестала”. В 1968 г. была опубликована работа голландского исследователя Б. Зилстра, сконцентрированная главным образом на ранних взглядах Ласки 1910–1920-х годов. В ней автор намеренно воздерживался от как хвалебных, так и резко негативных суждений в адрес своего героя, подчеркивая, впрочем, что самые глубокие его произведения были написаны в молодые годы.

Лишь в 1977 г. была издана благожелательная по своей тональности монография Г. Иствуда, попытавшегося, прежде всего, сделать акцент на сильных сторонах Ласки как блестящего преподавателя и интеллектуала. Всплеск интереса к личности героя этого очерка был отмечен в конце XX в. В 1993 г. вышли сразу две посвященные ему книги – И. Крамника и Б. Шиермена, а также М. Ньюмена. Автор последней открыто полемизирует в своем исследовании с выводами Г. Дина, полагая, что его критика взглядов Ласки была чрезмерной и порой незаслуженно резкой. Из последних работ имеет смысл назвать монографию П. Лэма, также, по признанию автора, написанную, чтобы вернуть Ласки репутацию выдающегося социалистического мыслителя⁷. В 1997 г. издательство Раутледж отдало дань авторскому наследию Ласки, опубликовав 10-томное собрание его сочинений, переизданное в 2003 г. Что касается отечественной историографии, то к взглядам Ласки обращались в разные годы Е.Г. Блосфельд, А.Л. Сагалова⁸. Однако они затрагивали лишь отдельные аспекты его мировоззрения.

⁴ Newman M. Harold Laski. A Political Biography. Basingstoke, 1993, p. 371.

⁵ Martin K. Harold Laski (1893–1950). A Bibliographical Memoir. London, 1953, p. 261.

⁶ Eastwood G. Harold Laski. London, 1977, p. 100–101, 160.

⁷ См. работы о Ласки: Deane H.A. The Political Ideas of Harold J. Laski. New York, 1955; Zylstra B. From Pluralism to Collectivism. The Development of Harold Laski's Political Thought. Assen, 1968; Kramnick I., Sheerman B. Harold Laski. A Life on the Left. London, 1993; Lamb P. Harold Laski: Problems of Democracy, the Sovereign State and International Society. Houndmills, 2004.

⁸ Блосфельд Е.Г. Вопросы социального прогресса в трудах Г. Ласки и программных доку-

В данном очерке хотелось бы проследить основные этапы жизненного пути Г. Ласки, не находившего пока подробного освещения на страницах российских работ, в общих чертах рассмотреть эволюцию его взглядов, дать оценку значимости этого человека в истории лейбористской партии.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Гарольд Ласки родился в Манчестере 30 июня 1893 г. и был вторым из троих детей. Отец Натан Ласки занимался торговлей хлопком из Индии, был либералом, а также активным представителем местной еврейской общины. Натан и Сара Ласки воспитывали детей в атмосфере уважения к еврейским традициям. Гарольд получил отличное образование. Пройдя подготовку в частной школе, в 11 лет он поступил в привилегированное учебное заведение в Манчестере, возглавляемое в те годы Дж.Л. Пэтоном, умевшим заинтересовать и увлечь своих воспитанников. Наряду с этим Ласки посещал еврейскую религиозную школу, где изучал иврит.

Гарольд был умным ребенком, однако с детских лет имел слабое сердце и легкие. В юности он серьезно увлекся евгеникой, относительно популярной в Англии в те годы и еще не влекущей последующих трагических ассоциаций. Он даже начал изучать евгенику в колледже в Лондоне.

Ласки женился в 18 лет вопреки воле родителей. Избранницей стала преподаватель лечебной физкультуры, суфражистка Фрида Керри. Девушка была на 9 лет старше Ласки. Впервые они встретились на Рождество в 1909 г., когда будущему жениху было всего 16. Узнав о тайной свадьбе сына, Натан Ласки слег в постель. Родители поставили Гарольду условие. Он мог рассчитывать на их финансовую поддержку, только согласившись пройти до конца обучение в университете. Неуместная женитьба пока должна была остаться для всех тайной. Фриду обязали жить вдаль от мужа⁹. В результате Ласки получил образование историка в Оксфордском университете. В эти годы молодожены встречались всего несколько раз. Они воссоединились только по окончании Ласки Оксфорда в 1914 г.

Родители Гарольда так и не смирились с тем, что он взял в жены женщину намного старше себя, к тому же не еврейского происхождения. Со временем Фрида формально вступила в еврейскую общину, и это несколько сгладило отношения в семье. Однако для самого Гарольда это не имело никакого значения. Он разочаровался в церкви еще до женитьбы и, по сути, всю жизнь был атеистом.

Ласки вспоминал, что стал социалистом примерно к концу окончания школы. Среди факторов, подтолкнувших его к этому, он называл директора школы Дж.Л. Пэтона, заставившего задуматься над несовершенством современного мира, еврейское происхождение, позволившее испытать на себе несколько иное отношение, нежели к другим, по необъяснимым причинам, работы фабианцев Сиднея и Беатрисы Вебб, а также речь лейбориста К. Гарди, которую Ласки услышал в Манчестере еще до поступления в Оксфорд. Рассказ Гарди о попытках шахтеров создать свой тред-юнион заставил меня по крайней мере смутно начать осознавать, как сложно рабочим достичь необходимых им социальных реформ, вспоминал Гарольд¹⁰.

В университетские годы Ласки посещал заседания местного отделения Фабианского общества, под влиянием Фриды поддерживал суфражистское движение, а также в 1914 г. познакомился с социалистом Дж. Лэнсбери, главным редактором рабочего издания «Дейли геральд». После окончания университета именно Лэнсбери, заинтересованный в одаренных авторах для передовиц, предложил Ласки первый стабильный

ментах левого лейборизма 1920–1930-х годов. Ленинград, 1990; Сагалова А.Л. Международная организация и плюралистическая демократия во взглядах Г.Дж. Ласки. – Власть, 2013, № 8.

⁹ Newman M. Op. cit., p. 7–11.

¹⁰ I Believe. The Personal Philosophies of Certain Eminent Men and Women of Our Time. New York, 1939, p. 139.

заработок. Это позволило Гарольду и Фриде, лишенным поддержки родителей, впервые за несколько лет вместе поселиться в Лондоне под одной крышей.

Отношение Ласки к началу Первой мировой войны сложно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, он, конечно, ощущал на себе влияние пацифистов, доминировавших в редакции “Дейли геральд”. С другой, волна патриотизма, охватившая Англию с началом боевых действий, судя по всему, докатилась и до молодого Гарольда. Позднее он писал, что не верил в войну, но возможная победа Германии казалась ему еще большей катастрофой¹¹. В результате Ласки предпринял попытку записаться добровольцем на фронт, но его заявление было отклонено из-за болезни сердца.

Последующие два года Гарольд и его жена провели в Канаде. Ласки получил приглашение из университета Макгилла в Монреале занять должность преподавателя истории. В мае 1916 г. у Гарольда и Фриды родилась дочь Диана. В Канаде Ласки также попробовал завербоваться в армию, но его кандидатура опять не прошла по причине болезни. Тогда же Ласки познакомился с профессором права Гарвардского университета Ф. Франкфуртером. Они будут дружить и переписываться долгие годы. Осенью 1916 г. Франкфуртер помог Ласки перебраться в Гарвард.

В США в значительной мере раскрылся талант Ласки преподавателя. Он чувствовал себя в студенческой аудитории абсолютно свободно и непринужденно, был самоуверен, остроумен, любил полемику и поощрял учащихся высказывать собственное мнение. Преподаватель Ласки никогда не пользовался подготовленными набросками лекций, цитируя по памяти все необходимые ему материалы. В те годы в Гарварде было принято соблюдать значительную дистанцию в общении между преподавателем и студентами. Ласки категорически не желал следовать этому правилу. Вместе с женой он принимал студентов у себя дома, угощал их чаем и всячески поощрял общение в неформальной обстановке.

Вскоре Ласки стали приглашать с лекциями в другие университеты. В Америке он встречался со многими известными политиками и профсоюзными функционерами, завел знакомства в журналистской среде, сотрудничал в качестве публициста с недавно основанным журналом “Нью репаблик”.

В 1916 г. Гарольд Ласки был представлен члену Верховного суда О.У. Холмсу, ставшему одним из его самых близких друзей. Взаимная симпатия друг к другу двух совершенно разных людей, справедливо пишет М. Ньюмен, была во многом парадоксальной. Ласки было 23 года, он был молод, полон энтузиазма и надежд. Холмсу было 75, он был весьма консервативен по своим взглядам, а опыт прожитых лет сделал из него пессимиста¹². Пока Ласки жили в Гарварде, друзья регулярно встречались, а затем переписывались долгие годы вплоть до смерти Холмса в 1935 г. Их переписка была издана в 1953 г. Сам Ласки впоследствии характеризовал “американский период” как наиболее существенный опыт в своей жизни.

Ласки был увлечен функционированием федеральной системы управления США, а также, по его собственному признанию, находился под влиянием работ основоположников английской плюралистической школы историка и юриста Ф.У. Мейтленда и священника Дж. Фиггиса. Полемику между свободой индивидуума и ограничением ее со стороны государства плюралисты пытались решить, делая акцент на развитии всевозможных групп и ассоциаций, образованных по религиозному или профессиональному принципу, не подавляющих индивидуума, но значимых для него. Например, акцент ставился на таких общественных объединениях, как профсоюзы, семья, церковь. Именно под воздействием взглядов Мейтленда и Фиггиса молодой Ласки начал проявлять интерес к концепции плюрализма.

В результате Ласки опубликовал ряд работ, написанных в русле “плюралистического подхода”: “Изучение проблем суверенитета” (1917 г.), “Власть в современном государстве” (1919 г.), “Основы суверенитета” (1921 г.) и др. Современное государ-

¹¹ Ibid., p. 140.

¹² Newman M. Op. cit., p. 36.

ство, с точки зрения Ласки, являло собой продукт реформации. В итоге светская государственная власть обрела черты централизованной системы, отвечающей интересам немногих. Ласки рассуждал о несправедливости существующего мира, поскольку государство служит целям тех, кто обладает экономической властью, являясь, таким образом, объектом их произвольных манипуляций¹³. В его высказываниях можно было встретить отголоски синдикалистских идей. Однако Ласки неизменно подчеркивал, что государственная власть необходима, чтобы отражать коллективные потребности всего общества, и интересы производителя не следует, подобно синдикалистам, возводить в абсолют¹⁴.

Характеризуя ранние взгляды Ласки, М. Ньюмен пишет, что он пытался сформировать плюралистическую концепцию, которая бы опиралась на традиции, тем не менее выходила бы за рамки либерализма, реформизма, гильдейского социализма и марксизма¹⁵. В основе «плюралистического государства» Ласки лежала идея рассредоточения власти за счет всевозможных органов, представляющих как территориальные, так и профессиональные интересы. Ласки высказывал критику в адрес таких мыслителей, как Ж. Боден, Т. Гоббс, И. Бентам, Дж. Остин. С его точки зрения, несмотря на различия, все они слишком возвеличивали роль государства в сравнении с другими общественными институтами¹⁶.

В июне 1920 г. Гарольд Ласки вместе с семьей покинул США и вернулся обратно в Англию. Этому событию предшествовала забастовка полицейских Бостона. 15 октября 1919 г. Ласки выступил в ее поддержку на митинге перед женами бастующих. Это вызвало волну возмущения в прессе и академических кругах. Многие стали называть его советским агитатором и большевиком и требовать немедленного увольнения из университета. Некоторые даже настаивали на изъятии из библиотек работ Ласки на том основании, что они проповедуют анархию.

Ласки не был уволен из Гарварда в результате скандала, однако через знакомых стал искать возможность вернуться на родину. В итоге тогдашний директор Лондонской школы экономики (ЛШЭ) либерал У. Беверидж открыл перед ним двери своего учебного заведения. По приезду в Лондон Ласки достаточно быстро почувствовал себя комфортно в новой среде. Тем не менее, несмотря на неприятный осадок, связанный с отъездом из Гарварда, он сохранил привязанность и интерес к Америке практически на всю оставшуюся жизнь.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ

В ЛШЭ Ласки на долгие годы занял место одного из самых ярких и запоминающихся преподавателей, а с 1926 г. получил ставку профессора. Г. Иствуд, издавший свою книгу в 1977 г., беседовал со многими бывшими учениками Ласки, стремясь понять, в чем была загадка его успеха у студентов. Ласки читал лекции в быстром темпе. Его слабостью были длинные предложения со множеством причастных оборотов. Порой студентам казалось, что Ласки просто не сможет завершить очередную навороченную конструкцию. Однако опасения всегда были напрасны. Он никогда не сбивался и не терял нить повествования. Лишь однажды Ласки с юмором произнес, вызвав всеобщий смех в зале: «И как же мне теперь закончить эту фразу?»¹⁷ Друг Ласки К. Мартин, являвшийся свидетелем многих его публичных выступлений, отмечал,

¹³ *Laski H.* Studies in the Problems of Sovereignty. New Haven, 1917, p. 22; *idem.* Authority in the Modern State. New Haven, 1919, p. 21.

¹⁴ *Laski H.* Authority in the Modern State, p. 88.

¹⁵ *Newman M.* Op. cit., p. 56.

¹⁶ *Laski H.* The Foundation of Sovereignty and other Essays. New York, 1921, p. 233–234.

¹⁷ *Eastwood G.* Op. cit., p. 23–24.

что оратор никогда не размахивал руками, его лицо всегда было невозмутимым, а речь вызывала восхищение своей отточенностью¹⁸.

Размышляя над тем, что такое хорошая лекция, Ласки в межвоенные годы писал, что поднятая на ней тема не должна вызывать сомнений в своей значимости, лекция обязана содержать в себе действительно новую информацию или новую точку зрения, не заимствованную из традиционного набора книг. Даже известные факты, полагал он, следует подавать в новой интерпретации. Главное же — лекция должна была заставить студента задуматься над темой и подтолкнуть к собственному исследованию. В противном случае обучение, считал Ласки, превращается в обычную рутину. Студент должен сомневаться и, в конечном счете, “овладеть искусством размышлять”, — писал он. Одаренность и мастерство преподавателя, полагал Ласки, определяют качество учебного процесса. С его точки зрения, университетскому профессору никогда не следовало отступать от трех главных постулатов. Он обязан был сам неизменно заниматься научной работой, всегда сохранять “свежий взгляд” на предмет и уметь видеть в студентах индивидуальность¹⁹.

Не вызывает сомнений, что Ласки следовал этим принципам. Его занятия учили полемизировать, уметь слушать, даже, если вы не согласны с собеседником. Это была “захватывающая игра со смыслом, поток идей, гимнастика для ума, руководимая энергично, но ненавязчиво великолепным мастером”, — вспоминал ученик Ласки, известный представитель британских “новых левых” Р. Милибенд²⁰. Вы могли войти в его кабинет, имея неразрешимую интеллектуальную проблему, а выйти оттуда с чувством, что потенциально являетесь величайшим экспертом в данной области, говорил другой его бывший ученик. “Он любил нас вместо того, чтобы просто терпеть”, — эти слова одного из студентов Ласки в значительной мере раскрывают “загадку” преподавателя²¹.

По приезде в Лондон Ласки установил много новых личных контактов и возобновил старые. Он тесно общался с главным редактором журнала “Нейшн” Г. Мэссингемом, социалистом и журналистом Г. Брэйлсфордом, бывшим либералом лордом Холдейном, занявшим вскоре должность лорда канцлера в первом лейбористском кабинете 1924 г., лордом Сэнки, семейством Веббов, лейбористскими и профсоюзными активистами. С 1922 г. Ласки стал членом исполкома Фабианского общества. В начале 1920-х годов он активно выступал в поддержку лейбористской партии, шахтеров, недовольных сворачиванием системы госконтроля в угольной отрасли, на стороне кампании “Руки прочь от России”, ездил с лекциями по промышленным районам. Тем не менее в эти годы Ласки придерживался относительно умеренных взглядов. Британский историк М. Ньюмен отмечает, что Ласки стал более благожелательно относиться к политике национализации, в целом перекликавшейся с фабианской концепцией социализма, и, напротив, гораздо более скептически к идее децентрализации, промышленной демократии, близкой сердцу представителей гильдейского социализма²².

На фоне роста влияния лейбористской партии в начале 1920-х годов Ласки неоднократно получал предложения выступить на выборах в качестве ее парламентского кандидата. В ноябре 1921 г. он писал Холмсу, что к нему поступило четыре подобных предложения на ближайшие выборы. Однако “я сопоставил мучения отправиться заседать в Палату общин и оказаться там в безнадежном меньшинстве и перспективу написать действительно большую книгу по политической теории, и практически уверен в том, что последнее гораздо важнее”,²³ — сообщал он.

¹⁸ *Martin K. Op. cit.*, p. 59.

¹⁹ *Laski H. The Dangers of Obedience and other Essays. New York – London, 1930, p. 91–121.*

²⁰ *Martin K. Op. cit.*, p. 267.

²¹ *Eastwood G. Op. cit.*, p. 29–30; *Kramnick I., Sheerman B. Op. cit.*, p. 586.

²² *Newman M. Op. cit.*, p. 74–75.

²³ *Holmes – Laski Letters, v. I, p. 382–383.*

Книгой, которая помогла Ласки в те годы побороть искушение стать парламентарием, оказалось одно из самых известных, пожалуй, его произведений – “Грамматика политики”, впервые опубликованное в 1925 г. В целом эта работа несла на себе отпечаток по-прежнему сохранявшегося увлечения Ласки концепцией плюрализма. Человек, полагал Ласки, всегда должен иметь право самореализации и самовыражения. Это достижимо только в условиях рассредоточения власти и вовлечения граждан в процесс принятия решений. Рассуждая о возможностях индивида, Ласки подчеркивал, что гражданин обязан был иметь закрепленные за ним общественные права, такие, как право на труд, позволяющее реализовать свои способности, на адекватную заработную плату, дающее возможность вести достойную жизнь, на ограничение продолжительности рабочего дня, оставляющее время на размышление, право на образование. Наряду с этим, Ласки выделял политические права гражданина – свободу слова, право вступления в ассоциации или объединения, право на юридическую защиту, право участвовать в выборах, с тем чтобы все социальные слои без исключения были представлены в органах власти. С точки зрения автора, современная промышленная система, ущемляла многие из этих прав²⁴.

Размышляя на тему прав, Ласки выражал несогласие с позицией И. Бентама. Точка зрения о том, что права – это по сути требования, признанные законом государства, была ему чужда. Ласки отмечал, что “признанные права” совсем не обязательно являются “правами, требующими признания”²⁵. Как пишет П. Лэм, права для Ласки не были ни “естественными”, ни неизменными, ни сугубо юридическими понятиями. Фактически они воплощали собой “умеренные ожидания” людей, отражающие текущий уровень экономического развития общества²⁶.

Наряду с этим, Ласки рассматривал в этой работе такие важные понятия как свобода и равенство. Свобода, писал он, это атмосфера, при которой человек имеет возможность проявить себя с наилучшей стороны. Она недостижима в обществе, предоставляющем привилегии избранным. Позднее, возвращаясь к этой мысли в начале 1930-х годов, Ласки отмечал, что свобода может быть воплощена в жизнь, только опираясь на равенство. Нет смысла предоставлять человеку свободу слова, если он не подготовлен и не умеет выражать свои мысли. Нет смысла предоставлять человеку свободу объединений, если, как это часто бывает в Соединенных Штатах, работодатель не берет на работу члена профсоюза²⁷. Свобода в отрыве от равенства всегда будет иллюзорной, полагал автор. В принципе в трактовке Ласки этих двух понятий можно обнаружить определенные параллели с высказываниями другого известного лейбористского мыслителя этого периода Р.Г. Тоуни. Вслед за ним Ласки также считал, что изначальное неравенство в доступе к образованию различных социальных слоев является основой, на которой строится общество несправедливое и несвободное²⁸.

Ласки не призывал к всеобщему материальному равенству, однако подчеркивал, что никто не должен жить в обществе за чужой счет. В книге “Грамматика политики” звучали такие близкие сердцу социалиста идеи, как необходимость проведения национализации в контролируемых монополиями отраслях промышленности, усиление государственного вмешательства в экономическую сферу, увеличение налога на капитал и на наследование богатства, контроль над ценами, участие рабочих в принятии решений на производстве и ряд др.

²⁴ *Laski H. A Grammar of Politics. London, 1934, p. 106–128.*

²⁵ *Ibid.*, p. 90–91.

²⁶ *Lamb P. Op. cit.*, p. 58.

²⁷ *Laski H. A Grammar of Politics, p. 142, 149; idem. Democracy in Crisis. London, 1933, p. 207.*

²⁸ *Laski H. A Grammar of Politics, p. 147.* О взглядах Р.Г. Тоуни см. подробнее: *Суслопарова Е.А. Ричард Тоуни (1880–1962): лейбористский идеолог этического социализма и ученый историк. – Новая и новейшая история, 2012, № 2.*

В британской литературе высказывается мнение, что предложения Ласки в сфере политического реформирования были менее радикальными, нежели социально-экономические. Наиболее принципиальными из первых, пожалуй, являлись ликвидация Верхней наследственной палаты парламента, а также введение жалованья депутатам муниципальных советов с тем, чтобы низшие социальные слои были там шире представлены. Любопытно, что Ласки выступал в этой работе против отказа от мажоритарной системы голосования, полагая, что это нарушит уникальную английскую связь между депутатом и его избирательным округом, а также приведет к созданию неустойчивых правительств²⁹.

В принципе книга “Грамматика политики” могла найти поддержку у читателя левых взглядов, в той или иной мере разделяющего воззрения автора. В ней не хватало некоего пропагандистского пафоса, способного переубедить несогласных.

Ласки не остался безучастным к событиям всеобщей стачки 1926 г. в Англии и, конечно же, стоял на стороне шахтеров. Однако его комментарии на страницах прессы были довольно умеренными³⁰. Отношение Ласки к лейбористской партии 1920-х годов было двойственным. С одной стороны, большую часть послевоенного десятилетия у него были неплохие личные отношения с Р. Макдональдом, впервые приведшим партию к власти в 1924 г., а затем в 1929 г. В 1922 г. Ласки приветствовал его избрание на пост лейбористского лидера. С другой стороны, в письме к Холмсу в конце 1920-х годов герой этого очерка отмечал: наблюдать за Макдональдом, все равно, что следить за темпераментной примадонной, “он блестящий, ревнивый, жаждет рукоплесканий, находчивый, ускользающий – последний человек, который должен когда-либо стать у руля партии”³¹.

Наряду с этим, стремление Макдональда в конце 1920-х годов придать лейбористам респектабельный облик и избавить их от излишне радикальной риторики, судя по всему, также не вызывало у Ласки энтузиазма. На страницах американской прессы он следующим образом охарактеризовал ежегодную лейбористскую конференцию 1927 г.: “...ни единого предложения не было одобрено на этой конференции, которое хотя бы отдаленно можно было бы назвать социалистическим... Любой, кто читал известную партийную программу 1918 г. и сравнит ее с повесткой дня нынешней конференции, будет изумлен, неужели это та же самая партия”. Причин подобной эволюции лейбористов вправо Ласки видел несколько. Во-первых, раздражение членов партии политикой Советской России и английских коммунистов и стремление дистанцироваться от них. Во-вторых, последствия всеобщей стачки 1926 г. – спад боевых настроений. В-третьих, общий умеренный настрой руководства. Макдональд боится идей, писал Ласки, бывший министр финансов первого лейбористского кабинета Ф. Сноуден практически уже перестал быть социалистом, бывший министр по делам колоний Дж. Томас им никогда не был, секретарь лейбористской партии, бывший министр внутренних дел А. Гендерсон, увлеченный и талантливый организатор, больше занят “техническими” проблемами, нежели интеллектуальными. На их фоне, продолжал Ласки, либерал Д. Ллойд Джордж выглядит безрассудным большевиком³².

Подобная оценка лейбористской партии не осталась без внимания Макдональда. Спустя менее двух недель после нелицеприятной публикации он направил Ласки письмо, где выразил сожаление, что автор выбрал для своих разоблачений иностранное издание. После этой истории отношения между ними были испорчены, хотя Ласки на выборах 1929 г. оказал поддержку Макдональду в его избирательном округе³³.

²⁹ *Laski H. A Grammar of Politics*, p. 153–154, 315–316, 416.

³⁰ См., например: *The Labour Magazine*, 1926, v. V, № 3, p. 103–105.

³¹ *Holmes – Laski Letters*, v. II. 1926–1935, p. 981.

³² *The New Republic*, 1927, v. LII, № 675, p. 305–306.

³³ *Newman M. Op. cit.*, p. 107–108.

ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Заметное влияние на эволюцию взглядов Ласки оказали события 1931 г., а именно раскол второго лейбористского кабинета по вопросу о сокращении пособий по безработице в условиях экономического кризиса, его отставка и формирование “национального правительства” (которое Ласки категорически не принял), в большинстве своем состоявшего из представителей буржуазных партий во главе с Р. Макдональдом. Последний в результате этого в сентябре 1931 г. был исключен из лейбористской партии как “предатель”.

С точки зрения британского исследователя Г. Дина, эти обстоятельства явились резким рубежом, пройдя через который Ласки в 1930-е годы качнулся еще более влево и превратился, если не в защитника, то, по крайней мере, в пророка идеи о том, что дорога к новому социалистическому обществу будет предполагать революцию и возможную диктатуру. Напротив, М. Ньюмен считает, что предпосылки такой трансформации взглядов Ласки можно разглядеть в более ранние годы и эволюция его воззрений была постепенной. Британскому историку П. Лэму также ближе последняя точка зрения³⁴. Однозначно разрешить этот заочный спор исследователей достаточно сложно. Представляется, что недовольство градуализмом Макдональда действительно сформировалось у Ласки задолго до событий 1931 г. В этой связи не исключено, что эволюция его взглядов влево и усиление “марксистской струны” в его работах имели бы место и при ином стечении обстоятельств. Тем не менее бесславная кончина второго лейбористского кабинета, не справившегося с экономическими трудностями начала 1930-х годов, способствовала радикализации настроений многих современников, и Ласки здесь не был исключением. В письмах жене Ласки еще до падения кабинета в августе 1931 г. выражал резкое недовольство беспомощностью и вялостью правительства Макдональда³⁵.

По итогам 1931 г. Ласки написал работу “Кризис и Конституция: 1931 г. и после” (1932 г.). Какие же уроки он извлек из опыта 1931 г.? Автор резко критиковал Макдональда, без колебаний бросившего свое лейбористское правительство “на съедение волкам” и перешедшего в лагерь соперников. На взгляд Ласки, британский кабинет в будущем должен стать более весомым противовесом подобным самовольным действиям премьер-министра³⁶. В этой и в других своих работах 1930-х годов он также заявлял, что следующему лейбористскому правительству необходимо будет заручиться чрезвычайными полномочиями с тем, чтобы противостоять промышленному и финансовому саботажу крупного бизнеса, несогласного с его политикой.

В 1931 г. Ласки совершил четырехмесячную поездку в США. Фактическое бездействие администрации Г. Гувера на фоне “великой депрессии” вызвало у него разочарование. В результате книга Ласки, вышедшая в 1933 г. под заголовком “Демократия в кризисе”, в целом оказалась проникнута глубоким пессимизмом. “Наши ноги уже фактически над пропастью”, — писал он, наше поколение утратило ценностную систему координат, “уверенность сменилась цинизмом, надежда уступила место отчаянию”³⁷. Парламентская демократия, сформированная на протяжении XIX в., в нынешних условиях, на взгляд Ласки, оказалась в кризисе. В подтверждение этого он приводил примеры: установление фашистского режима в Италии, где король оказался “покорным соучастником” преступления, а Муссолини превратил парламент в инструмент фашистской партии; беспомощность правительства фон Папена, не пользовавшегося поддержкой населения Германии; неблагоприятная ситуация в США.

Ласки не призывал в этой работе к революции, скорее размышлял на тему возможных вариантов трансформации общества. Капиталистическая демократия, преду-

³⁴ *Dean H.A.* Op. cit., p. 218; *Newman M.* Op. cit., p. 133; *Lamb P.* Op. cit., p. 32.

³⁵ *Newman M.* Op. cit., p. 141.

³⁶ *Laski H.* The Crisis and the Constitution: 1931 and After. London, 1932, p. 21–22.

³⁷ *Laski H.* Democracy in Crisis, p. 9, 16.

прежде он, не позволит электорату “случайно по результатам выборов оступиться в социализм”. Кто даст гарантию, что социалистические реформы не будут затем отменены следующей администрацией, задавался он вопросом. В этой связи Ласки не исключал, что для сохранения достигнутых результатов может на время потребоваться “кардинальная трансформация парламентского правления” и даже приостановление деятельности оппозиции. Он признавал, что решения, найденные путем согласия, обычно лучше тех, которые навязаны. “Революция, как и война, это безграничная трагедия”, — подчеркивал он. Однако Ласки опасался, что компромисс в нынешних условиях едва ли удастся найти³⁸.

В работе “Демократия в кризисе” Ласки выделял три перспективы, открывающиеся в случае победы социалистов на выборах. Все из них, так или иначе, были чреваты катаклизмом. Первая — это нежелание правящего класса смириться с победой соперников и установление “капиталистической диктатуры”. Следствием этого должна была стать всеобщая забастовка с политическими требованиями. Вторая — формирование социалистического правительства. Оно может повести себя подобно первым двум лейбористским правительствам Р. Макдональда, созданным в 1924 и 1929 гг., т.е. уклониться от серьезных реформ. Это неизбежно дискредитирует правительство в глазах сторонников, считал Ласки, и откроет дорогу новым силам на левом фланге. Наиболее вероятно, что правительство все же попытается осуществить левые экономические реформы, но тогда оно столкнется с “непарламентским противодействием” тех, чьи интересы будут им затронуты. «Это создаст обстановку, при которой “революционный эксперимент” может стать возможным и даже неизбежным». Третья перспектива — правящий класс смиритесь с социализмом. Это было бы наилучшим вариантом, писал автор, однако сам выражал неверие в такую возможность³⁹. В целом можно согласиться с мнением М. Ньюмена, отмечавшего, что в этой книге между собой боролись два Ласки: один отчаянно пытался спасти конституционную демократию, другой осознавал, что это все менее вероятно⁴⁰.

После прихода нацистов к власти в Германии Ласки опубликовал в 1935 г. работу “Государство в теории и практике”. В ней он характеризовал государство как силу, стоящую на страже экономических интересов правящего класса, владеющего средствами производства. Ласки подчеркивал, что случившееся в Германии во многом стало результатом экономических трудностей, с которыми столкнулась Веймарская республика. В итоге демократия была принесена в жертву классовым капиталистическим интересам. Позднее, в годы Второй мировой войны Ласки писал, что фашизм, по сути, явился проявлением “упадка капитализма”, попыткой сыграть на националистических чувствах с целью оправдания политики внешней экспансии в надежде сгладить недовольство населения положением дел у себя в стране⁴¹. В целом употребляемая в этой книге терминология (рассуждения об антагонизме между трудом и капиталом, конфликте между производительными силами и производственными отношениями, экономическом базисе и общественной надстройке) позволяет говорить о том, что она носила ярко выраженный марксистский оттенок.

Отношение Ласки к марксизму в предшествующие 1920-е годы было заметно более скептическим. К этой теме он обращался неоднократно в работах “Карл Маркс” (1921 г.), “Коммунизм” (1927 г.) и ряде др. Автор подчеркивал, что экономический детерминизм, лежавший в основе марксистской теории, не всегда был способен в полной мере объяснить многие исторические явления, а также поведение людей. В качестве примера он приводил религиозные движения, всплеск национализма на Балканах. К тому же в 1920-е годы революция казалась ему сценарием маловероятным в

³⁸ Ibid., p. 77, 87, 105, 266.

³⁹ Ibid., p. 239–241.

⁴⁰ Newman M. Op. cit., p. 147.

⁴¹ Laski H. The State in Theory and Practice. London, 1936, p. 143–144, 158, 161; *idem*. Reflections on the Revolution of Our Time. London, 1944, p. 95.

современном государстве, не находящемся на грани краха. Более того, Ласки полагал, что во имя сохранения цивилизации необходимо, прежде всего, руководствоваться соображениями рассудка, но не насилия⁴². В 1930-е годы в условиях “кризиса демократии” “революционный эксперимент” уже не выглядел, с его точки зрения, далеким от реальности.

Еще в 1934 г. вместе с женой Ласки впервые посетил СССР по приглашению Московского государственного университета. Впечатлениями о месячном пребывании в России он поделился в частности на страницах американского журнала “Нейшн”. С одной стороны, Ласки охарактеризовал советскую компартию как безжалостную, догматичную, нетерпимую к чужому мнению политическую силу. Сам режим был назван им диктаторским, без колебаний сметающим на своем пути все, что способно помешать осуществлению его целей. С другой стороны, он нашел в Советском строе много положительных сторон. Например, Ласки отметил, что рабочие принимают активное участие в управлении производством, что позволяет говорить о “фабричной демократии”. Он обратил внимание, что уровень жизни в СССР ниже, чем в США и Великобритании, но существенно выше, чем был в той же России в 1917 г. Это “страна надежды. Массы не сомневаются, что сегодняшние жертвы будут оправданы завтрашними успехами”, — писал он⁴³.

Нужно признать, что Ласки оказался не единственным левым британским интеллектуалом, увидевшим в развитии Советского Союза немало положительных черт. Достаточно вспомнить то же семейство Веббов, серьезно увлеченное в 1930-е годы советским “экспериментом”. Поездка в СССР имела и весьма скандальные для Ласки последствия, связанные с его так называемой “Московской речью”, растиражированной британской прессой. 6 июля 1934 г. газета “Дейли телеграф” опубликовала отчет своего корреспондента об этом выступлении под заголовком “Надежда на революцию в Британии”. Суть состояла в том, что профессор одного из самых престижных английских учебных заведений выступил перед московской аудиторией с омерзительной речью. Чтобы доставить удовольствие коммунистической публике он позволил себе рассуждать о революции и начале гражданской войны у себя на Родине. Ласки незамедлительно направил в газету письмо с опровержением, где заявил, что выступал в Москве перед научным сообществом с размышлениями о будущем парламентской демократии в целом, приведенные же высказывания были искажены и неверно интерпретированы⁴⁴.

Тем не менее скандал уже разгорелся. 11 июля 1934 г. вопрос о “московской речи” Ласки был поднят в Палате общин. Представители консервативной партии дошли до того, что заявили о необходимости сократить финансовую поддержку со стороны государства ЛШЭ, являющейся пристанищем подобных пропагандистов. В поддержку Ласки, однако, выступили лейбористские депутаты: К. Эттли и С. Криппс⁴⁵. Вскоре в прессе появилось открытое письмо за подписью пяти преподавателей ЛШЭ (Р. Чорли, Р.Г. Тоуни, Т. Грегори, Э. Пауэр, Ч. Вебстера). Они настаивали на том, что Ласки имеет полное право публично излагать свои взгляды, а руководство учебного заведения, где он работает, не вправе оказывать на него давление. На стороне Ласки выступили также писатель и драматург Б. Шоу, известный экономист Дж.М. Кейнс⁴⁶.

Однако нападки на Ласки и в целом на ЛШЭ как “рассадник коммунизма” продолжались и далее. К тому времени школа имела в своем штате целый ряд известных

⁴² *Laski H.* Karl Marx. An Essay. London, 1921, p. 33–34, 40; *idem.* Communism. London, 1927, p. 79. См. также: *Holmes – Laski Letters*, v. I, p. 521.

⁴³ “Ленинградские письма” Ласки см.: *The Nation*, 1934, v. CXXXIX, № 3602, p. 69–71; № 3603, p. 100–101.

⁴⁴ *Newman M.* Op. cit., p. 170.

⁴⁵ *Parliamentary Debates. House of Commons*, v. 292, col. 306–308. См. также: *Times*, 12.VII.1934.

⁴⁶ *Eastwood G.* Op. cit., p. 50; *Martin K.* Op. cit., p. 94; *I Believe*, p. 149.

членов лейбористской партии, в том числе К. Эттли, Г.Б. Лиис-Смита, Х. Далтона, Р.Г. Тоуни. Ласки был, без сомнения, самым “проблемным” профессором-лейбористом. Его отношения с руководством ЛШЭ в лице У. Бевериджа были серьезно испорчены еще до московского “скандала”. Одна из причин заключалась в том, что Ласки не поддерживал идею Бевериджа о привлечении фондов, состоящих из пожертвований, для финансирования коллективных и полезных, с точки зрения спонсоров, научных работ. “Красный профессор” был неизменным сторонником индивидуальной и независимой от чьего-либо финансового давления научной деятельности. Наряду с этим, руководство школы было озабочено бесконечным количеством статей, выходивших из-под пера Ласки и публикуемых на страницах “Дейли геральд” и другой социалистической прессы. Это порождало ненужные ассоциации с самим учебным заведением и могло отразиться на его финансовом благополучии⁴⁷.

“Московская речь” на этом фоне еще более усугубила ситуацию. 19 июля 1934 г. по поводу Ласки состоялось специальное заседание чрезвычайного комитета ЛШЭ. Профессору было рекомендовано воздержаться от столь тесного сотрудничества с “Дейли геральд”. Более того, было заявлено, что его недавние публичные заявления идут вразрез с интересами школы⁴⁸. Избежав административных наказаний, Ласки едва ли чувствовал себя комфортно в ее стенах последующие несколько лет (вплоть до ухода Бевериджа со своего поста в 1937 г.).

В 1930-е годы Ласки жил активной политической жизнью. В 1932 г. он принял участие в создании Социалистической Лиги, объединившей представителей левого крыла лейбористской партии. В нее вошла и часть членов Независимой рабочей партии (НРП), не пожелавших расставаться с лейбористской партией несмотря на то, что руководство НРП летом 1932 г. объявило об окончательном разрыве с ней. Социалистическая Лига придерживалась более левых позиций, нежели официальная лейбористская партия и фактически заняла освободившееся после выхода НРП вакантное место на левом лейбористском фланге. Наряду с С. Криппсом, Ч. Тревелингом, У. Меллором, Э. Бивеном Ласки являлся членом ее исполкома. Активисты лиги выступали за широкую политику национализации, жесткий контроль над финансовой системой со стороны государства, а после прихода Гитлера к власти в Германии за создание Единого антифашистского фронта, включающего представителей различных левых политических сил.

Весной 1933 г. компартия и НРП обратились с этим предложением к лейбористам. Последние категорически отвергли идею сотрудничества с коммунистами, обнародовав манифест “Демократия против диктатуры”. Там было заявлено, что коммунистам чужды идеалы демократии, следовательно, в качестве союзника они не пригодны⁴⁹. Однако представители Социалистической Лиги, формально входившей в состав лейбористской организации, проявили непокорность и еще в июне 1933 г. на своей первой ежегодной конференции приняли резолюцию в поддержку Единого антифашистского фронта.

После VII Конгресса Коминтерна 1935 г., на котором прозвучал доклад Г. Димитрова о необходимости объединения широких антифашистских сил для борьбы с нарастающей в Европе угрозой, движение за Единый антифашистский фронт обрело новое дыхание. Несмотря на сохранявшееся нежелание лейбористов сотрудничать с компартией, Ласки считал, что данный шаг необходим и постоянно пропагандировал эту идею в прессе. В январе 1937 г. НРП, компартия и Социалистическая Лига выпустили “Манифест единства”, призывавший к совместной борьбе всех прогрессивных сил против фашизма и войны и развернули кампанию в поддержку Манифеста. Документ был подписан С. Криппсом, Г. Поллитом, П. Даттом, У. Галлахером, Дж. Мэксто-

⁴⁷ *Martin K. Op. cit.*, p. 95–96; *Newman M. Op. cit.*, p. 168.

⁴⁸ *Newman M. Op. cit.*, p. 172.

⁴⁹ Report of the 33-d Annual Conference of the Labour Party. London, 1933, p. 277–278.

ном, Ф. Брокузем, Дж. Стрэчи, Г. Брэйсфордом и другими. Среди подписавших был Г. Ласки.

Тем не менее руководство лейбористской партии высказалось против участия в кампании. Более того, членство в мятежной Социалистической Лиге было объявлено несовместимым с пребыванием в лейбористских рядах. В результате на своей ежегодной конференции весной 1937 г. Социалистическая Лига, с момента своего создания нацеленная на работу именно в рамках лейбористской партии, была вынуждена самораспуститься.

Впрочем, С. Криппс и Г. Ласки осенью 1937 г. попытались “дать бой” лейбористской партии по вопросу о Едином антифашистском фронте на ее ближайшей ежегодной конференции. “Если мне придется выбирать, с кем разделить трибуну для выступления... с Г. Поллитом (Генеральным секретарем компартии Великобритании. — *Е.С.*) или с господином У. Черчиллем, я, без сомнения, выберу Г. Поллита”, — заявил Ласки, обращаясь к делегатам⁵⁰. Тем не менее Криппс и Ласки оказались на конференции в меньшинстве, и жесткая позиция лейбористского исполкома в отношении Единого антифашистского фронта была подтверждена.

Следует отметить, что эта неудача на конференции не уменьшила популярность Ласки в рядах лейбористов. Свидетельством тому стало его вхождение в исполком лейбористской партии, куда он неизменно переизбирался на протяжении последующих 12 лет.

Наряду с этим, в середине 1930-х годов Ласки вместе с В. Голланцом и Дж. Стрэчи принял активное участие в образовании “Клуба левой книги”. Клуб был основан весной 1936 г. с целью пропаганды и распространения левой политической литературы. Уже к концу мая он имел 12 тыс. подписчиков, а перед началом Второй мировой войны эта цифра достигла 60 тыс. Среди распространяемой литературы фигурировали такие издания, как “Фашизм сегодня и Народный Фронт” М. Тореза, “Варвары у ворот” Л. Вульфа, “Испанское свидетельство” А. Кестлера, “Дорога на причал Уиган Пир” Дж. Оруэлла, а также работы С. Криппса, К. Эттли, Дж.Д.Г. Коула, П. Датта и др.⁵¹ “Клуб” просуществовал до конца 1940-х годов. Ласки также был причастен к созданию известного левого периодического издания “Трибьюн”, основанного С. Криппсом в 1937 г., и входил в его редколлегию.

Любопытно, что в отличие от британских коммунистов, а также части членов Социалистической Лиги, Ласки с симпатией относился к политике “нового курса” Ф. Рузвельта в США. Рузвельт — первый государственный деятель великой капиталистической страны, писал он в 1934 г., намеренно и систематически попытавшийся использовать власть государства с тем, чтобы решить насущные социальные вопросы, перераспределить национальное богатство, отойти от мотивации, обусловленной исключительно получением экономической прибыли. Смелость, необходимая для такого рода действий, не может не вызывать восхищение даже у беспристрастного наблюдателя⁵².

Личное знакомство Ласки с президентом состоялось весной 1935 г. во время очередной поездки в США, после чего завязалась переписка. Ласки также поддерживал контакты с рядом советников президента. Не исключено, что благодаря этому Рузвельт воспринимал Ласки как человека гораздо более влиятельного в среде британского политического истеблишмента, нежели тот на самом деле являлся. Сам герой этого очерка, судя по всему, не стремился разубедить в этом президента. С точки зрения М. Ньюмена именно Рузвельт не позволил Ласки в 1930-е годы полностью потерять веру в будущее либеральной демократии⁵³. Во второй половине 1930-х годов Ласки многократно посещал США с лекциями, а в 1940 г. опубликовал книгу “Американское президентство, ин-

⁵⁰ Report of the 37-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1937, p. 158.

⁵¹ Eastwood G. Op. cit., p. 63, 65–66.

⁵² Laski H. The Roosevelt Experiment. London, 1934, p. 1.

⁵³ Newman M. Op. cit., p. 184–185.

терпретация”, в которой автор позитивно оценил деятельность Ф. Рузвельта и призвал к еще большему сосредоточению власти в руках президента⁵⁴.

К концу 1930-х годов британская кампания за создание Единого антифашистского фронта вышла на новый рубеж. В мае 1938 г. в специальном меморандуме, представленном на рассмотрение лейбористского исполкома за подписью С. Криппса, Э. Вилкинсон, Д.Н. Притта и Г. Ласки, содержался очередной призыв к объединению на этот раз широких антифашистских сил, в том числе не исключалось возможное участие представителей буржуазных партий. Официальное лейбористское руководство по-прежнему было непреклонно. Впрочем, у самого Ласки идея альянса с “несоциалистами” не вызывала энтузиазма. В результате уже скоро он существенно скорректировал свою позицию. Будучи членом исполкома лейбористской партии, наряду с Х. Далтоном, А. Гринвудом и Г. Моррисоном он принял участие в работе специального комитета, который должен был подготовить заявление относительно Народного фронта. М. Ньюмен, работавший с архивными документами и бумагами Ласки, сообщает, что герой этого очерка разработал проект заявления, который фактически в корне противоречил недавно подписанному им вместе с Криппсом меморандуму. На этот раз там содержались аргументы против союза с либералами как изжившей себя политической силы, а также против союза с коммунистами. В отношении последних было заявлено, что они не способны сами определять свою политику, поскольку находятся под контролем из-за границы⁵⁵.

Взгляды Ласки никогда не были статичны и неизменны. В этой связи М. Ньюмен отмечает, что к концу 1930-х годов Ласки стал все с большим подозрением относиться к коммунистическому движению и, по сути, смирился с переходом лейбористской партии к поддержке правительственной программы перевооружения, поскольку начал осознавать, что надежным средством противодействия фашизму может оказаться именно война⁵⁶.

Мюнхенский договор о разделе Чехословакии, подписанный с Гитлером премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и французским лидером Э. Даладье, Ласки назвал “самоубийственным”, а пакт Молотова – Риббентропа 1939 г. шагом, “гарантировавшим Гитлеру свободу рук в его авантюристической игре”⁵⁷. Позднее, в 1943 г., Ласки писал, что альтернативой предвоенной “политике умиротворения” могло стать только строительство системы коллективной безопасности с участием СССР. Однако неприятие британской политической элитой советского мировоззрения не позволило этого сделать⁵⁸. В целом к началу Второй мировой войны вера Ласки в идею Единого антифашистского фронта как средства сохранения мира постепенно угасла. В 1939 г. он был убежден, что лишь военная сила способна остановить дальнейшие захватнические планы Гитлера.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1945 г.

В годы Второй мировой войны Ласки был чрезвычайно активен. Некоторые исследователи, например Г. Дин, полагают, что как теоретик и публицист он не вышел в этот период на какой-то новый рубеж, все чаще возвращаясь к сказанному им самим ранее. С другой стороны, М. Ньюмен утверждает, что Ласки в эти годы “был движим целью”, а именно очень четко осознавал необходимость проведения коренных послевоенных экономических и социальных реформ и считал своей обязанностью внушить обществу

⁵⁴ *Laski H. The American Presidency, An Interpretation. New York – London, 1940, p. 251–252, 267.*

⁵⁵ *Newman M. Op. cit., p. 198.*

⁵⁶ *Ibid., p. 197–198, 203.*

⁵⁷ *Ibid., p. 200, 202.* См. также комментарии Ласки на страницах его работы: *Laski H. Where Do We Go From Here. London, 1940, p. 42–43, 47–48.*

⁵⁸ *Laski H. Reflections on the Revolution of Our Time, p. 22.*

и коллегам по партии, что фундамент для этого необходимо было закладывать сейчас, не дожидаясь окончания боевых действий⁵⁹.

Ласки приветствовал вхождение в мае 1940 г. лейбористов во главе с К. Эттли (являвшегося лидером партии с 1935 г.) в коалиционное правительство У. Черчилля. Вместе с тем он полагал, что лейбористские министры должны были сразу же использовать эту возможность для незамедлительного осуществления левых социалистических мер. Начиная с лета 1940 г. с целью реализации своих идей Ласки пытался оказать давление на исполком партии. Однако в самом начале войны на фоне капитуляции Франции и весьма неопределенных военных перспектив его призывы сочли пока преждевременными. Это привело к тому, что в октябре 1940 г. Ласки на страницах "Дейли геральд" даже опубликовал открытое письмо с настойчивым требованием скорейших социалистических реформ. Люди на фронте, писал он, должны знать, за что они сражаются, и понимать, что новый социальный порядок уже создается⁶⁰.

Но если лейбористские министры не готовы были строить "социалистическую Англию" непосредственно под рев орудий, убеждение, что после победы британское общество должно приобрести кардинально новые очертания было среди них повсеместным. О необходимости сохранения и расширения роли государства в решении социально-экономических проблем в мирное время, после завершения Второй мировой войны, писал в 1943 г. и другой известный коллега Ласки по ЛШЭ Р.Г. Тоуни на страницах "Экономик хистори ревью"⁶¹. Уже в 1941 г. был создан специальный лейбористский комитет по послевоенной экономической и социальной реконструкции во главе с Э. Шинвеллом, в котором Ласки занял должность секретаря. Результатом его работы стало появление в 1942 г. доклада под заголовком "Старый мир и новое общество", в подготовке которого Ласки сыграл ключевую роль. Учитывая опыт демонтажа механизма государственного регулирования, вызвавший резкое недовольство рабочих после Первой мировой войны, лейбористы в этом документе настаивали на необходимости незамедлительного строительства нового общества под контролем государства. Это включало в себя широкую программу национализации, государственных социальных гарантий, а также планирование экономического развития⁶².

Важным рубежом на пути разработки планов послевоенной реконструкции стала публикация в декабре 1942 г. доклада комитета под председательством бывшего директора ЛШЭ У. Бевериджа. Он предусматривал создание после войны разветвленной и по сути всеобъемлющей системы социальной поддержки населения. Несмотря на скепсис и отсутствие заметного воодушевления в рядах консерваторов, доклад был встречен лейбористами с энтузиазмом и явился на тот момент своего рода символом новой послевоенной Англии, за которую еще предстояло сражаться.

В 1944 г. Ласки стал заместителем председателя, а с весны 1945 г. председателем исполкома и соответственно автоматически председателем лейбористской партии. Это была самая значимая должность в партийной иерархии, которую ему довелось достичь. Его самой известной публикацией военных лет по праву считаются "Размышления о революции в наше время" (1943 г.). В этой весьма левой по своей тональности книге значительное место было отведено опыту Октябрьской революции 1917 г. в России. Ласки выделял три основных фактора, лежавших в основе большевистского успеха. Во-первых, полная экспроприация капиталистической собственности и приобщение народа к власти, позволившее рабочим и крестьянам впервые ощутить себя хозяевами своей судьбы. Во-вторых, на взгляд Ласки, иностранная интервенция лишь сплотила русский народ, заставив его почувствовать свою исключительность. В-третьих,

⁵⁹ *Dean H.* Op. cit., p. 238–239; *Newman M.* Op. cit., p. 205, 209.

⁶⁰ *Daily Herald*, 21.X.1940.

⁶¹ *Tawney R.H.* The Abolition of Economic Controls, 1918–1921. – *Economic History Review*, 1943, v. XIII, № 1–2.

⁶² *The Old World and the New Society. A Report on the Problems on War and Peace Reconstruction.* – <http://collections.mun.ca/PDFs/radical/TheOldWorldandtheNewSociety.pdf>

контрреволюционные силы, отмечал автор, по сути, олицетворяли прошлое, против которого революция и была направлена, и в итоге оказались неспособны поставить под свои знамена большинство населения. Как и в более ранних своих публикациях Ласки в этой книге не закрывал глаза на издержки большевистского режима, такие как массовый террор и отсутствие демократии. “Русская революция, — писал он, — дала невероятные преимущества невероятной ценой”⁶³.

Наряду с этим, в “Размышлениях о революции в наше время” Ласки уделял заметное внимание проблеме фашизма, приведшего к развязыванию Второй мировой войны. Одновременно он выражал надежду на скорейшее коренное обновление общества под воздействием войны. Когда читаешь сегодня “Размышления о революции”, порой складывается ощущение, что этой книге был свойственен гораздо меньший пессимизм в сравнении с работами Ласки 1930-х годов. Однако в целом отношение автора к буржуазному обществу не изменилось. Скорее война с новой силой поставила вопрос о его обновлении, и это вселяло в Ласки надежду. “Победа... даст демократии еще один шанс”, — писал он в 1943 г.⁶⁴

Социализм, с точки зрения Ласки, предполагал широкую общественную собственность на средства производства. В “Размышлениях о революции в наше время” Ласки настаивал на немедленном переходе к “плановому обществу”. Речь шла о национализации Английского банка, коммерческих банков и страховых компаний, введении общественной собственности на землю, госконтроля над импортом и экспортом, национализации транспортной, топливной, энергетической системы, шахт, водоснабжения. Это еще не социалистическое государство, писал Ласки, но это основа, на которой оно может быть построено⁶⁵. На этот раз автор рассчитывал на благоразумие и готовность к компромиссу экономической элиты. В противном случае революция представлялась ему вполне вероятным сценарием развития событий.

В итоге “красный профессор”, размышляющий о “революции в наше время” во главе исполкома лейбористской партии явился прекрасной “антилейбористской картой”, которую консерваторы во главе с У. Черчиллем решили разыграть на первых послевоенных выборах 1945 г. В своем известном радиообращении 4 июня 1945 г. относительно угрозы социалистического правительства, готового установить в Англии разновидность гестапо, Черчилль не назвал имя Ласки напрямую. Однако многим было очевидно, что премьер-министр подразумевал его, говоря о партийных деятелях, представляющих для страны реальную угрозу, мечтающих об установлении тотального госконтроля и превращении государства в “архиработодателя, архипланировщика и архиадминистратора”⁶⁶.

Более того, у Черчилля были основания полагать, что профессор Ласки стремится гипертрофировать роль исполкома в определении партийной политики. Поводом для этого стало публичное заявление Ласки относительно возможности участия Эттли в Потсдамской конференции по приглашению Черчилля. В нем определенно говорилось, что лейбористский лидер должен довольствоваться на ней лишь ролью “наблюдателя”, поскольку партии не следует связывать себя решениями международной конференции, которые не были заранее обсуждены на заседании исполкома или в рамках парламентской фракции. В ответ в открытом письме к Эттли Черчилль тотчас же возразил, что хотел бы видеть его на этой конференции как “друга и советника”, но не в незаслуженном и унижительном статусе “наблюдателя”. Эттли публично согласился с Черчиллем. Заочная полемика между Ласки и лейбористским лидером подробно освещалась на страницах как лейбористской, так и консервативной прессы⁶⁷.

⁶³ *Laski H. Reflections on the Revolution of Our Time*, p. 44–45, 66.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 149.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 307–310.

⁶⁶ *Times*, 5.VI.1945.

⁶⁷ *Daily Herald*, 15, 16.VI.1945; *Times*, 16.VI.1945.

В целом на выборах 1945 г. Ласки стал с подачи не только Черчилля своего рода “пугалом” для консервативно настроенного избирателя. Например, лорд Бивербрук, выступая на одном из предвыборных митингов, утверждал, что “красный профессор” по сути руководит партией. В случае победы лейбористов, подвластный ему исполком, состоящий главным образом из людей, не являющихся членами Палаты общин, заявил он, возьмет власть в свои руки, не считаясь с мнением избирателей. Консервативная пропаганда дошла до того, что накануне выборов одна из лондонских газет на своих страницах разместила фотографию Ласки и других членов исполкома лейбористской партии под заголовком: “Эти люди хотят быть диктаторами. Запомните их имена”⁶⁸. Газетные репортеры буквально повсюду гонялись за Ласки, активно участвовавшим в избирательной кампании, надеясь на какую-нибудь сенсацию, которую может спровоцировать левый профессор.

Однако в целом ставка Черчилля на то, чтобы напугать избирателя левизной лейбористов не оправдала себя в 1945 г. После войны Англия ждала социально-экономических перемен. Убедительная победа лейбористской партии во главе с Эттли, впервые получившей абсолютное парламентское большинство по итогам этих выборов, со всей очевидностью свидетельствовала, что ее программа, конкретные и понятные обещания ее кандидатов, нацеленные на создание обширного национализированного сектора в экономике и развитие системы государственных социальных гарантий, нашли отклик у избирателя. Страна надеялась на обновленную послевоенную жизнь и не боялась смелых правительственных реформ в русле строительства “государства благоденствия”.

В годы войны Ласки был неудовлетворен лейбористским руководством в лице К. Эттли. Последнего он считал человеком слабохарактерным, нерешительным, лишенным харизмы и предпринимал настойчивые усилия, чтобы его “свергнуть”. Согласно данным некоторых британских авторов, мнение о необходимости замены Эттли до выборов 1945 г. разделяли, в частности, Г. Моррисон, сам метивший на этот пост, а также близкая знакомая Ласки, будущий министр образования (1945–1947 гг.) Э. Вилкинсон. Однако Г. Моррисон в автобиографии впоследствии отрицал свою причастность к попыткам “убрать” Эттли⁶⁹. В борьбе против Эттли Ласки дошел до того, что вскоре после разгрома Германии написал ему длинное нелицеприятное письмо, в котором заявлял, что дальнейшее руководство Эттли партией станет лишь препятствием для достижения лейбористами победы на предстоящих выборах. Приводя примеры из истории (в частности замену К.Дж.Э. Оукенлека на Б.Л. Монтгомери перед сражением при Эль Аламейне) Ласки “как председатель партии в этот критический момент” убеждал Эттли “оказать услугу” лейбористам и добровольно сложить с себя полномочия лидера⁷⁰. Эттли проигнорировал совет.

Однако даже после победы лейбористской партии на выборах 5 июля 1945 г. Ласки не унимался и, по свидетельству своего биографа Г. Иствуда, вновь отправил Эттли письмо с целью убедить не принимать приглашение короля сформировать кабинет. Ласки предлагал подождать несколько дней вплоть до собрания обновленной лейбористской парламентской фракции в надежде, что она изберет нового лидера. Характерно, что сам Эттли, затрагивая события 1945 г. в своих мемуарах, лишь очень коротко сообщает, что Ласки настойчиво, но тщетно пытался заменить его на Моррисона. Г. Иствуд, помогавший Эттли в подготовке его воспоминаний, пишет, что в свое время пытался убедить автора дать более подробный комментарий на этот счет, но мудрый Эттли, даже спустя годы, не пожелал “выносить сор из избы” и лишь заметил, что предпочитает все оставить как есть⁷¹.

⁶⁸ Eastwood G. Op. cit., p. 129–130.

⁶⁹ Ibid., p. 121; Newman M. Op. cit., p. 260. Ср. с комментариями Г. Моррисона: Morrison H. An Autobiography. London, 1960, p. 245.

⁷⁰ Eastwood G. Op. cit., p. 122–123.

⁷¹ Ibid., p. 124–126. См. также: Attlee C.R. As It Happened. London, 1954, p. 145.

Эттли, лишенный харизмы и внешне напоминавший скромного школьного учителя, никогда не стремившийся “пускать пыль в глаза”, остался в истории одним из лучших лейбористских премьер-министров XX в. с точки зрения масштаба проведенных реформ. Настойчивые усилия Ласки в качестве председателя партии избавиться от него в 1945 г. скорее свидетельствуют о неадекватности, неумении разбираться в людях и слепой вере героя этого очерка в свою правоту.

Впрочем, Эттли все же сумел “отомстить” Ласки за его назойливость и бестактность. После победы лейбористской партии на выборах Ласки хотел стать послом в США, ссылаясь на прекрасное знание этой страны. Его просьба, обращенная к Эттли, была оставлена неудовлетворенной⁷².

В определенной мере уже через год Ласки косвенно признал, что был несправедлив к Эттли. В своем председательском обращении на ежегодной партийной конференции в июне 1946 г. он лестно отзывался о проводимом премьер-министром курсе: “настал век социалистического планирования, — говорил Ласки, — ...я не уверен, что наше поколение достигнет Земли Обетованной, но... мы можем в течение нескольких лет заложить основу эксперимента,... на который с восхищением будут смотреть последующие поколения... Мы начали подниматься на Гору Надежды”⁷³.

Предвыборная кампания 1945 г. имела и весьма печальный отголосок в судьбе Ласки, в конечном счете закончившийся судебным разбирательством. Все началось 18 июня 1945 г., когда член консервативной партии Г. Сарлтон сообщил на страницах газеты “Ноттингем гардиан”, что за день до этого присутствовал на предвыборном митинге с участием Ласки и был свидетелем того, как последний призывал к насильственным действиям и даже революции в случае, если лейбористы не смогут реализовать свои реформы мирным путем. Ласки тут же выразил протест и заявил, что подает иск за клевету на автора публикации и всех, кто осмелится ее распространять. Он утверждал, что смысл его слов был искажен. На самом деле Ласки говорил о тяжелом положении рабочих после войны и о том, что это может стать возможным толчком к насилию, но не призывал к революции⁷⁴.

Тем не менее “антилейбористская карта” в лице “красного профессора” уже была разыграна ранее и приписываемое Ласки высказывание оказалось быстро растиражировано “Дейли экспресс” и др. изданиями. Иск был подан. В результате в ноябре 1946 г. состоялось судебное заседание, с которого Ласки надеялся выйти победителем. Однако в действительности истец был признан виновным.

Как тонко замечает М. Ньюмен, по сути это был символический суд над взглядами Ласки, которые судьям показались “преступными”. Ласки, не будучи революционером, слишком долгие годы в своих работах “играл” такими словами, как насилие, революция, чтобы убедить судей в невозможности сказанного на июньском митинге при наличии 7 свидетелей защиты. Теперь все это было искусно повернуто против него. Надо признать, что книги Ласки были порой наполнены пессимизмом относительно перспектив реформирования. На самом деле, отмечает М. Ньюмен, даже когда Ласки пророчил фашизм и диктатуру, как неизбежную тенденцию, к которой скатывается капитализм, его реальный посыл состоял в следующем: “реформируйте сейчас, чтобы избежать катастрофы”⁷⁵.

Однако слова и высказывания Ласки было легко исказить и вырвать из контекста. Тот факт, что в ходе разбирательства, длившегося пять дней, ему было задано почти 500 вопросов, сам по себе исключает возможность того, что Ласки мог развернуто и подробно ответить на все. Его вынуждали отвечать односложно. С другой стороны, определенная доля истины прозвучала в словах судьи лорда Годдарда, адресованных

⁷² *Williams F.* A Prime Minister Remembers. The War and Post-War Memoirs of the Rt. Hon. Earl Attlee. Based on his Private Papers and on a Series of Recorded Conversations. London, 1961, p. 7.

⁷³ Report of the 45-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1946, p. 108.

⁷⁴ *Eastwood G.* Op. cit., p. 140–141.

⁷⁵ *Newman M.* Op. cit., p. 273, 275.

истцу: вы можете говорить, что ненавидите то или это, что ваша политическая теория состоит в том-то, и, если мы не предпримем те или иные шаги, могут последовать определенные результаты, но “вы не должны употреблять лексику, которую легко расценить как подстрекательство к насилию, которое приведет к революции”⁷⁶.

Судебное разбирательство, превратившееся с подачи судей в публичное унижение Ласки, стало для него, никогда не отличавшегося крепким здоровьем, тяжелым ударом. Жена Ласки Фрида была убеждена, что это намного сократило его жизнь и все оставшиеся годы он не мог забыть о случившемся.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Еще до суда, летом 1946 г., в качестве представителя лейбористской делегации Ласки вновь посетил СССР, где встречался с И.В. Сталиным и другими советскими руководителями. Беседа со Сталиным длилась более двух часов и в целом произвела на Ласки благоприятное впечатление.

В действительности же надежды Ласки на послевоенную возможность взаимопонимания между Западом и Востоком оказались буквально втоптаны в землю начавшейся “холодной войной”. С точки зрения М. Ньюмена, это явилось для Ласки трагедией колоссального масштаба, не случайно биограф называет его жертвой “холодной войны”. Ласки осудил американскую доктрину Трумэна 1947 г., нацеленную, по его словам, на создание “новой империи”, выступил против образования НАТО. С другой стороны, Ласки был возмущен коммунистическим переворотом в Чехословакии в феврале 1948 г. и возлагал на советских руководителей ответственность за убийство прозападного министра иностранных дел Я. Масарика в марте того же года. Лорд Роббинс, коллега Ласки по ЛШЭ, полагал, что, если герой этого очерка и испытывал какие-то иллюзии по отношению к Советскому Союзу, в марте 1948 г. с этим было покончено навсегда⁷⁷. Для человека, всю жизнь пытавшегося найти связь между либерализмом и социализмом, переход к биполярному миру явился во многом неразрешимой дилеммой.

В 1948–1949 гг. Ласки посещал США с лекционными турами. Однако после смерти Рузвельта в условиях “холодной войны” он впервые в полной мере столкнулся там с откровенной враждебностью и даже инспирированной против него кампанией. Некоторые из его выступлений были отменены. Америка не желала больше слушать “величайшего коммунистического пропагандиста” своего времени⁷⁸.

После войны Ласки продолжал писать. В 1948 г. вышла его монументальная книга “Американская демократия”, посвященная Фриде и начатая еще в конце 1930-х годов⁷⁹. На фоне представленного в ней обилия фактов и информации через произведение проходила мысль о некоем несоответствии между исповедуемыми ценностями американского общества и порой неприглядной реальностью. Это касалось расовой дискриминации, засилья крупного капитала, неравенства в образовании и многих других сторон американской жизни. Один из биографов обращает внимание на то, что, пока был жив Рузвельт, Америка, с точки зрения Ласки, имела свой шанс. В 1946 г. Ласки писал Фриде об американцах: складывается впечатление, что они абсолютно уверены в своей силе и убеждены, что те, кто американцами не являются, заслуживают лишь жалости, “страна стала неприятной и раздражающей”⁸⁰.

Был ли Ласки в целом удовлетворен послевоенными реформами правительства Эттли в социально-экономической сфере? Лишь отчасти. В 1949 г. в работе “Тред-

⁷⁶ *Eastwood G. Op. cit.*, p. 153.

⁷⁷ *Newman M. Op. cit.*, p. 302, 305, 307; *Eastwood G. Op. cit.*, p. 166.

⁷⁸ Эта характеристика Г. Ласки была дана американским сенатором Дж. Маккарти в 1954 г.: *Kramnick I., Sheerman B. Op. cit.*, p. 582.

⁷⁹ *Laski H. American Democracy. A Commentary and an Interpretation.* New York, 1948.

⁸⁰ *Newman M. Op. cit.*, p. 290.

юнионы и новое общество” Ласки утверждал, что приход лейбористов к власти в 1945 г. уберет Великобританию от социального переворота, что было явным преувеличением. В книге, изданной посмертно, в 1952 г., под заголовком “Дилемма нашего времени” автор отдавал должное лейбористским социальным реформам, но подчеркивал, что простой передачи собственности из частных рук в государственные недостаточно для того, чтобы построить действительно новое общество, поскольку рабочий должен участвовать в принятии решений. Наряду с этим Ласки обращал внимание на очевидные финансовые трудности, сопряженные со строительством “государства благоденствия” и политикой полной занятости. Высокие налоги тяжелым бременем ложатся на средний класс, который не паразитирует на наследовании богатства, а живет своим трудом, отмечал он, высокие цены снижают конкурентоспособность британских товаров на мировом рынке⁸¹.

Ласки приложил руку к написанию партийной предвыборной программы 1950 г. и даже успел принять участие в февральской избирательной кампании. Он умер 24 марта 1950 г. от болезни легких. Вместе с политиками и учеными на его похоронах присутствовал премьер-министр и практически все члены лейбористского кабинета.

* * *

Прожив молодые годы в США, Ласки до конца жизни сохранил легкий американский акцент. Он с азартом собирал редкие книги и гордился своей коллекцией. О посещениях букинистических магазинов и своих бесчисленных приобретениях Ласки регулярно с гордостью писал Холмсу. Один раз он умудрился засунуть уникальную книгу XVI в. между двумя изданиями по одному шиллингу и благодаря рассеянности продавца приобрел “сокровище” практически за бесценок. “Если вы спросите меня, как я выбрался из этого магазина, я просто не помню”, – восторженно сообщал Ласки Холмсу⁸². Одновременно его готовность одалживать книги и деньги студентам была неизменной.

Работы Ласки свидетельствуют о том, что он, конечно же, разделял либеральные, демократические ценности. С другой стороны, настоящая свобода и демократия были, с его точки зрения, недостижимы в капиталистическом государстве. Ласки допускал и хотел верить в возможность мирного перехода к социалистическому обществу. Однако тревожные 1930-е годы, падение второго лейбористского правительства, “кризис демократии”, угроза нацизма и тоталитаризма подтолкнули его к мрачным размышлениям о революции, но все же не к призывам к ней. По справедливому замечанию британского исследователя Дж. Фута, Ласки символизировал собой пределы британского радикализма, за грань которых лейбористские левые не могли переступить, не превратившись в ленинистов⁸³.

Тем не менее после благоприятных для лейбористской партии 1920-х годов Ласки стал олицетворением возросшей левизны ее членов в 1930-е годы, ярким проповедником скорейших социально-экономических реформ в годы Второй мировой войны. Его взгляды эволюционировали от федералистского подхода к устройству общества и государства в русле концепции плюрализма в сторону марксизма и идеи “планового общества”. И все же, несмотря на возросшую левизну, Ласки оставался социал-демократом. Его отношение к Советской России и компартии менялось на протяжении жизни и, в конечном счете, закончилось разочарованием в обеих. Как писали И. Крамник и Б. Шиермен, Ласки “рассматривал Советскую Россию как предвестник новой цивилизации, но ее преступления разбили его сердце”⁸⁴.

⁸¹ *Laski H. Trade Unions and the New Society. New York, 1949, p. 179. idem. The Dilemma of Our Times. An Historical Essay. London, 1968, p. 89, 105.*

⁸² *Holmes – Laski Letters, v. I, p. 316–317.*

⁸³ *Foote G. The Labour Party's Political Thought. A History. London, 1985, p. 154.*

⁸⁴ *Kramnick I., Sheerman B. Op. cit., p. 590.*

В чем были слабости Ласки как теоретика, помимо сказанного выше относительно отсутствия ключевого “посыла”, оставленного последующим поколениям, многословности и т.п. Один из его биографов верно замечает, что на протяжении большей части своей жизни Ласки с большой готовностью предполагал, что “социалистическая экономика может работать”. В самом деле, каким образом она будет работать, фактически оставалось за рамками его работ. Однако этот недостаток был характерен практически для всех современных Ласки лейбористских публицистов. Наряду с этим историки обращают внимание на “излишний оптимизм” в отношении Советского Союза, свойственный Ласки на протяжении значительного отрезка жизни⁸⁵. К тому же он слишком много писал “на злобу дня”. Это придавало ценность его публикациям в данный момент, но в определенной мере спустя годы нивелировало значение некоторых из них.

Слабой стороной Ласки, конечно же, являлось и то, что в его работах было очень много противоречий, поднятых, но до конца не решенных вопросов. Его рассуждения о (даже теоретической!) возможности революции в современной ему Великобритании выглядели беспочвенными и оторванными от реальности. Более того, вера Ласки в национализацию и “плановое общество” уже в середине 1950-х годов была подвергнута заметной “ревизии” пришедшими ему на смену социалистическими теоретиками, прежде всего в лице Э. Кросленда. Следует также отметить, что отсутствие религиозной составляющей, характерной, например, для работ ряда его современников, например Р.Г. Тоуни, лишало книги Ласки обезоруживающей аргументации и не позволяло им достигать до сердца читателей, чутких к подобным словам.

Тем не менее имя Ласки вписано в историю лейбористской партии, нуждавшейся в межвоенные годы в эрудированных авторах. Британский исследователь К. Морган называет публициста Ласки неотъемлемым компонентом британской истории 1930-х годов, наряду с “голодными походами” безработных, “политикой умиротворения”, “Герникой” П. Пикассо⁸⁶. Как тонко и верно заметил в свое время современник Ласки Дж. Стрэчи, сила героя этого очерка как раз и состояла в том, что он явился выразителем раздумий и сомнений целого поколения⁸⁷. Книги и статьи, без счета выходившие из-под пера автора, “утоляли голод” британского социалистического читателя на протяжении нескольких десятилетий.

⁸⁵ Newman M. Op. cit., p. 373.

⁸⁶ Morgan K.O. Op. cit., p. 91.

⁸⁷ The New Statesman and Nation, 1950, v. XXXIX, № 996, p. 395.